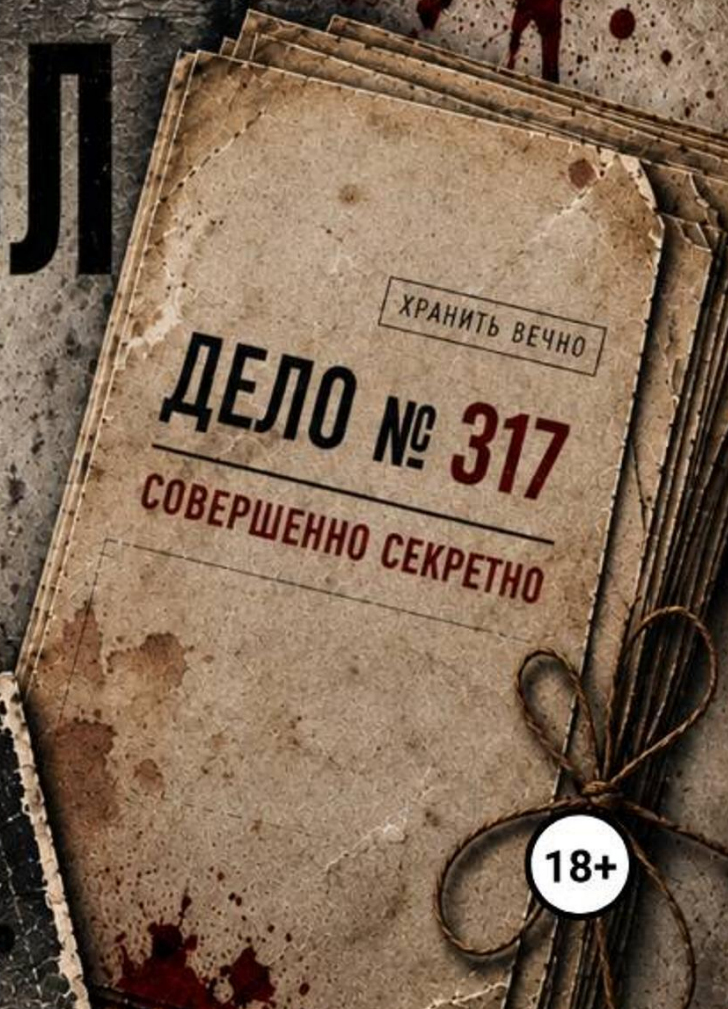

Константин Труфанов

ПРОТОКОЛ 317

18+

Константин Труфанов

Протокол 317

«Автор»

2026

Труфанов К.

Протокол 317 / К. Труфанов — «Автор», 2026

В 1988 году шестнадцатилетняя Катя нашла в ленинградском архиве то, о чём взрослые предпочитали молчать. Вскоре её убили. Тридцать шесть лет спустя в петербургском Парке Победы находят мёртвую девушку. Следователь Олег Серов замечает странный узел на её шнурках. Следы ведут к старым делам и людям, которые считают себя вправе судить и казнить тех, кто избежал наказания. За отдельными преступлениями проступает сеть. Её участники называют убийства справедливостью, а чужую боль используют для поиска новых исполнителей. Чтобы остановить их, Серову придётся разобраться в истории Кати — и проверить прошлое собственного отца. Первая книга детективного цикла «Протокол 317».

© Труфанов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ДЕВОЧКА ИЗ ПАРКА ПОБЕДЫ	5
Часть первая. Лето, которое не кончается	5
Часть вторая. Взрослые игры	8
Часть третья. Та, которой не стало	11
ГЛАВА 2. УЗЕЛ НА ШНУРКАХ	13
Часть первая. Метро и мёртвая тишина	13
Часть вторая. Слишком чисто	14
Часть третья. Свидетель из тени	16
ГЛАВА 3. СУДЬИ БЕЗ СУДА	21
Часть первая. Остывший чай	21
Часть вторая. Белый ферзь	22
Часть третья. Комната 127	26
ГЛАВА 4. ПАМЯТЬ ВАЖНЕЕ ЗАКОНА	32
Часть первая. Запах одиночества	32
Часть вторая. Хранитель памяти	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Константин Труфанов

Протокол 317

ГЛАВА 1. ДЕВОЧКА ИЗ ПАРКА ПОБЕДЫ

Часть первая. Лето, которое не кончается

Ленинград, 12 августа 1988 года.

Утром она долго искала чистую футболку. Белая лежала в свёрнутом пододеяльнике: Татьяна вчера сняла бельё с верёвки, а разобрать не успела. Катя вытащила её, отряхнула и приложила к себе перед зеркалом. На груди оставалась полоса от прищепки.

На кухне были нарезанный хлеб, тарелка с сыром и записка: «Поешь. Буду после двух». Катя перевернула лист. С обратной стороны ничего не было. Она взяла ручку, собираясь написать, что уйдёт ненадолго, но не знала, во сколько вернётся. Оставила только: «Поела». Хлеб так и лежал на тарелке.

У телефона стоял пакет с яблоками для Галины Ивановны. Катя набрала номер, придерживая диск пальцем, чтобы не загремел. Из трубки долго не отвечали.

— Я не разбудила?

— Уже нет, — сказала Галина Ивановна. — Кто это?

— Катя.

— А. Здравствуй. Что у тебя?

— Как нога?

— При мне. Ты по делу звонишь или проведать собралась?

Катя посмотрела на пакет.

— И так и так. Я яблоки занесу.

— Не тащи. Тут уже столько, что можно варенье варить. Если придёшь, хлеба купи.

За спиной Галины Ивановны зазвенела посуда. Кто-то спросил, с кем она говорит.

— С нашей помощницей, — ответила она в сторону.

Катю всякий раз задевало это «помощница». Дома она была девочкой, которую нужно заставлять есть, в архиве — девочкой, которой доверяют переносить коробки. Ей казалось, что достаточно один раз сделать настоящую работу, и взрослые начнут разговаривать с ней иначе. Работа уже была сделана, а разговор всё не начинался.

— Я те номера ещё раз сравнила, — сказала она.

— Какие?

— Из папки, которую нам принесли без обложки. Помните, там страницы местами перепутаны?

Галина Ивановна не ответила.

— Аллю?

— Слышу.

— Вы сказали, что одна опись могла быть старая. Но подпись-то...

— Катя. Я дома. У меня сейчас другие заботы.

— Я только спросить.

— Вот выйду, тогда спросишь.

— Когда вы выйдете?

— Когда ногу снимут с распорки, тогда и выйду. Ты на работу сегодня собиралась?

— Позже.

— Если зайдёшь, не таскай тяжёлого одна. И не бегай по лестнице.

— Вы тоже бегали?

Вопрос вырвался прежде, чем она успела подумать. Катя почувствовала, что сказала лишнее.

— Приду, когда сможете, — быстро добавила она. — С хлебом.

— Принеси, — сказала Галина Ивановна после паузы. — Только свежего. Вчерашний у меня есть.

Катя положила трубку. Пакет с яблоками оставила на месте. Потом всё-таки съела кусок хлеба, стоя у стола, чтобы записка не получилась ложью.

На письменном столе была разложена другая жизнь: школьная тетрадь с незаконченной задачей, вырезка о приёме в кружок юных корреспондентов, список книг к осени. Катя положила сверху конверт. Накануне одноклассница принесла адрес редакции и велела не тянуть.

— Ты или отправь, или перестань всем рассказывать, что отправишь.

— Там ещё не готово.

— У тебя никогда не готово. Сначала говорят: молодец. Потом ты приносишь ещё три страницы и объясняешь, что они не то похвалили.

Катя тогда рассердилась. Теперь перечитала начало своей заметки о летней работе в архиве. Первая фраза была такая нарядная, что хотелось её спрятать: «Прошлое раскрывает нам свои тайны». Она зачеркнула её целиком. Написала: «В архиве у нас сломалась тележка».

Так было точнее. Галине Ивановне приходилось просить посетителей помочь с коробками. Один мужчина всякий раз делал вид, что не расслышал. Другой носил молча и однажды принёс собственную отвёртку. Катя вспомнила, как они втроём держали перекошенное колесо, а мужчина говорил: «Да не туда, девочки, в другую сторону». Она тогда чуть не ответила, что Галина Ивановна ему вовсе не девочка.

На полстраницы слова нашлись сразу. Потом Катя остановилась. О своей находке она не могла написать в той же заметке: ещё не понимала, как объяснить главное человеку, который никогда не видел этих дел. Пока получалось, что она подозревает всех, чьи фамилии повторились больше одного раза.

Катя взяла отдельный лист и разделила его пополам. Слева написала, что знает точно, справа — что нужно проверить. Левая колонка получилась неприятно короткой. Она хотела перенести туда ещё две строки, но не перенесла.

В синюю тетрадь вошли снимки, этот лист и трамвайный билет, на котором вчера записала номер телефона. Личную тетрадь Катя оставила в ящике. Проверила, закрывается ли он до конца. Затем надела футболку, взяла лёгкую куртку и плеер.

На лестнице соседка попросила придержать дверь, пока выносила детскую коляску.

— Совсем взрослая стала, — сказала она, оглянувшись на Катю. — Скоро сама с такой ходить будешь.

— Я сначала работать буду.

— Все сначала работать собираются.

Катя хотела объяснить, кем именно, но соседка уже перекладывала в коляску пакет с бутылками. Пришлось держать дверь ещё немного.

До парка она доехала раньше назначенного времени. По дороге дважды раскрывала тетрадь, каждый раз убеждаясь, что нужные листы на месте. На скамейке наконец положила её рядом и купила мороженое: пока можно было просто посидеть.

Катя отодвинула мороженое от тетради. Пломбир уже просочился сквозь вафельный стаканчик и капал на скамейку. Салфетку она выбросила у ларька; теперь пришлось подложить билет на трамвай.

В парке пахло пылью и нагретой травой. У автомата с газировкой дети спорили, чья очередь мыть стакан. Из летнего кафе доносилось «Я спросил у ясеня», и кто-то из сидевших за

шахматными столиками негромко подпевал. Дед в белой майке велел ему замолчать: тот третий раз мешал думать. Седой противник деда терпеливо ждал хода, положив ладонь на снятого коня.

Катя попробовала поправить плеер: провод наушников попал под тетрадь. Музыка всё равно мешала. Она нажала на остановку и вернулась к странице, которую переписывала с утра.

На синей клеёнчатой обложке стёрлись уголки геометрического узора. Тетрадь едва закрывалась из-за вложенных фотографий документов. Катя заполняла её третий месяц: фамилии, номера дел, стрелки от одной даты к другой. Длинные тёмные волосы лезли в глаза, и она стянула их резинкой, не отрываясь от записей.

— Нет... тогда не сходится.

Родители погибли восемь лет назад. От отца у неё осталась привычка проверять даже то, что казалось очевидным. Он брал её в архив, усаживал рисовать в углу и иногда показывал дело, в котором уже можно было понять, кто соврал. Катя угадывала, он спрашивал: «А откуда ты знаешь?» Приходилось искать ещё раз.

Теперь она жила у тёти Тани. Летняя работа в архиве всех устраивала: девочка занята, рядом знакомые взрослые. Галине Ивановне Катя помогала переписывать описи и переносить папки. Заодно просила старые дела, номера которых находила в отцовских записях. Сначала ей давали их без вопросов. Потом стали спрашивать, для чего.

Она провела линию между двумя фамилиями и обвела 15 марта 1985 года. В одном деле это был день допроса, в другом — день исчезновения свидетеля. Само по себе совпадение ничего не значило. Но на фотографиях заявлений повторялся один и тот же наклон букв. Под разными фамилиями.

Катя положила снимки рядом. На обоих нижняя петля «д» заходила под следующую букву. Она перевернула ещё два листа. Тот же росчерк. Над одним из имён уже стоял вопросительный знак — вчера она решила, что перепутала фотографии.

— Так вот почему...

У входа остановилась серая милицмейская «Волга». Катя узнала её по царапине на крыле и захлопнула тетрадь, придерживая снимки ладонью.

Часть вторая. Взрослые игры

До парка Серов и Ковалёв несколько минут сидели в машине у управления. На заднем сиденье лежала папка, которую Владимир должен был отвезти ещё вчера. Он открыл её, проверил вложение и снова закрыл.

— Ты в отпуск когда? — спросил Ковалёв.

— В следующем году.

— Я серьёзно.

— И я.

Ковалёв вынул из кармана смятый лист, расправил на колене. Владимир увидел номер дела и отодвинул папку.

— Получил?

— Копию. Без последней страницы.

— Почему?

— Такую дали.

— Ты попросил ещё раз?

— Володя, я попросил. Не начинают они лучше искать, когда голос повышаешь.

Серов взял лист. Внизу стояла ссылка на приложение, которого не было. Он провёл ногтем под строкой.

— Опять.

— Это может ничего не значить.

— Может. Только у нас всё время ничего не значит. Один лист потеряли, второй не подшили, третьего вообще не было. А человек потом объясняет, что заявления не подавал.

Ковалёв убрал сигарету за ухо.

— Ты сейчас про это дело или про то?

Владимир вернул копию. О женщине, убийство которой у него забрали, Сергей спрашивал таким тоном, будто у Серова был давний недолеченный зуб. С одной стороны, лучше вырвать. С другой — если самому не тревожить, можно потерпеть.

— Про оба.

— Тогда сначала поешь. С утра сидишь с пустым стаканом.

— Я кофе пил.

— Я видел. Он у тебя на рукаве.

Серов взглянул на пятно и неожиданно рассмеялся. Смех вышел короткий, раздражённый, но напряжение немного отпустило. Ковалёв достал из кармана ключи.

— Давай я поведу.

— До парка сам доеду.

— Как хочешь.

Владимир положил копию в папку. Под ней оказалась открытка, которую он купил для дочери и так и не подписал. Он переложил её в бардачок. Ковалёв сделал вид, что не заметил.

Из машины вышел Владимир Серов. На тёмно-синем рукаве засохло пятно от кофе. Он потёр его большим пальцем, заметил Катю и махнул ей.

Серову было тридцать шесть. Несколько лет он плохо спал после дела об убийстве женщины, которое у него забрали. Подозреваемый исчез, доказать связь с убийством так и не удалось. При встречах Катя то и дело напоминала ему об этом деле: не самим преступлением, а вопросами, от которых он уже научился отмахиваться.

Следом вышел Ковалёв — на год старше, коренастый, коротко стриженный. Он закрыл дверцу и подождал Серова. Они знали друг друга со школы милиции. Ковалёв вырос в детдоме

и не любил разговоров о детстве; зато мог часами рассказывать про стройку, с которой ушёл в милицию. С годами рассказы стали короче.

— Опять здесь, — сказал он.

— Кто?

— Твой маленький следователь.

Серов достал «Беломор». Катя напоминала ему дочь от первого брака: та тоже начинала разговор с возражения. Теперь дочь жила с матерью в другом городе и почти не отвечала на письма. С сыном Олегом Серов виделся каждый день, но тот всё чаще засыпал прежде, чем отец приходил с работы.

— Этот маленький следователь умнее половины управления.

Ковалёв смотрел на тетрадь в Катиных руках.

— Это меня и пугает.

Она побежала к ним, оставив на скамейке плеер и растаявшее мороженое.

— Дядя Володя! Я кое-что нашла.

— Снова?

— Вы сначала посмотрите. Потом смейтесь.

Катя раскрыла тетрадь. Серову пришлось поддержать нижний край, чтобы не высыпались фотографии.

— Вот эти дела. Разные районы, разные следователи. Свидетель даёт показания, потом отказывается от них. А через какое-то время его уже не найти. Переехал, заболел. Один вообще пропал. Я проверяла по датам.

— По всем делам?

— По этим — да. Другие мне пока не дали.

Она перелистнула тетрадь и показала два снимка.

— Здесь фамилия Иванова. Здесь Петрова. А писала одна рука. Видите «д»?

Серов взял фотографии и поднёс ближе к глазам. Ковалёв встал у него за плечом.

— Это надо сравнивать с образцами, — сказал Серов.

— Так сравните! Я для этого и принесла.

На одной из фотографий он задержался. Катя ждала, что он скажет, но Серов молча перевернул снимок и прочитал номер дела на обороте.

— Откуда у тебя фотографии?

— В архиве сделала. Я же говорила, что проверяю.

— Ты кому-нибудь ещё показывала? — спросил Ковалёв.

— Да всем.

— Кому именно?

— Галине Ивановне. Двоим следователям, они к нам приходят. Папиному знакомому из прокуратуры. Ещё...

— Ещё кому?

Катя подняла глаза. Ковалёв уже не смотрел на страницы.

— Никому вроде. А что?

— Вспоминай. Фамилии знаешь?

— Дядя Серёжа, я не понимаю...

Серов вернул фотографии в тетрадь и отдал её Кате.

— Собери вещи и садись в машину. Мы сейчас подойдём.

— Куда поедём?

— За город.

— Мне домой надо. Тётя Таня ждёт.

— Я ей позвоню.

— А что с делами?

Серов посмотрел на Ковалёва, потом снова на неё.

— С ними будем разбираться. Пока никому больше не показывай. Даже если попросят.

Она хотела возразить, но Серов уже достал ключи. Катя взяла их, вернулась за плеером и только у машины заметила, что забыла выбросить стаканчик.

Часть третья. Та, которой не стало

Когда Катя села в машину, Ковалёв закурил.

— Её нужно увезти. Сегодня.

— Я понял. Знаешь куда?

— К знакомому под Комарово. Там дача. Он не спросит лишнего.

— Таня спросит.

— Позвонишь с дороги. Сейчас главное — увезти.

Серов посмотрел на заднее стекло «Волги». Катя опять писала. Её было видно между двумя выпцветшими подголовниками.

— Ты понял, чьи это дела?

— Догадываюсь.

— И я догадываюсь.

Ковалёв раздавил окурок каблуком.

— У Галины нога сломана. Ты знаешь?

— Катя говорила, с лестницы упала.

— Она всем так говорит.

Серов ничего не ответил. Они пошли к машине.

За городом жара не спала. В открытое окно тянуло нагретой хвоей; когда «Волга» свернула с шоссе, в салон набилась пыль. Ковалёв показывал дорогу. Серов сбавлял перед ямами, но машина всё равно тяжело проседала, и Катя на заднем сиденье придерживала тетрадь обеими руками.

— Мне надоело, — сказала она.

— Скоро приедем.

— Нет. Я хочу домой.

Серов посмотрел на неё в зеркало.

— Мы же договорились.

— Вы договорились. А меня посадили в машину.

— Катя, сейчас не время.

— Тогда когда?

Серов остановился у обочины и обернулся. Он хотел объяснить без Ковалёвских намёков, но Катя уже открыла дверь.

— Не выходи.

— Они знают, что я с вами. Думаете, за городом не найдут? — Она прижимала тетрадь к животу. — Я не хочу, чтобы из-за меня...

— Катя.

Она отступила от машины. Серов потянулся к дверной ручке, и Катя побежала к деревьям.

— Стой!

Ковалёв выскочил с другой стороны. Пока он обегал капот, она скрылась за кустами.

Серов бежал на хруст веток. Катю было видно то впереди, то сбоку: белела футболка, мелькали волосы. Он окликнул её ещё раз. Она не ответила. Ему показалось, что справа тоже кто-то бежит, но между стволами никого не было видно.

Потом раздался крик.

Ковалёв добежал до поляны первым. Серов налетел на него и оттолкнул за плечо.

Катя лежала на земле. Он опустился рядом, взял её за руку. На ладони была свежая ссадина, под ногти набилась земля. Серов нащупывал пульс, менял положение пальцев. Ковалёв стоял над ним и молчал.

— Володя...

— Подожди.

У Катиных кед аккуратно лежали петли шнурков. Двойные узлы. Рядом догорал клочок бумаги, край тетради почернел. Ковалёв затоптал огонь.

Где-то за деревьями завёлся мотор. Он сделал несколько шагов на звук, но машина уже удалялась.

— Это не мы, — сказал Ковалёв, вернувшись. — Мы не успели.

Серов не поднял головы.

— Вызови людей.

— Володя, ты слышишь?

— Я слышу. Вызови людей.

Ковалёв пошёл к дороге. Серов остался рядом с Катей. На корешке тетради торчали обрывки нескольких листов. Он наклонился, чтобы рассмотреть их, но брать тетрадь не стал.

Когда Сергей вернулся, Серов спросил:

— Кто знал про эту дачу?

— Никто. Я никому не говорил.

— Кто мог знать?

Ковалёв посмотрел в сторону дороги.

— Я узнаю.

— Узнай.

Серов получил тетрадь после осмотра. Ковалёв помог оформить её изъятие, пересчитал оставшиеся листы и сам вписал в опись, каких не хватало. Татьяне сообщили ночью. В лес она не приехала.

Утром Серов вернулся в Парк Победы. У ларька уже стояла очередь. Продавщица достала для девочки в красной панаме вафельный стаканчик и спросила, нужен ли ещё один — для мамы.

На скамейке остался засохший белый след. Серов сел с другого края и раскрыл тетрадь. На полях рядом с одним из номеров Катя написала: «Спросить Володю». Он закрыл эту строку большим пальцем.

Ковалёв подошёл со стороны кафе.

— Что будем делать?

— Найдём того, кто её убил.

— А если это те, кого мы знаем?

Серов поднял голову.

— Тем более.

Много лет спустя в архиве найдут Катину кассету. Она пробовала записывать свои вопросы вместо того, чтобы торопливо писать. На одном фрагменте рассмеётся, собьётся и начнёт снова:

— Если все знают правду... почему никто ничего не делает?

После вопроса будет слышно, как она нажимает кнопку.

Санкт-Петербург. Февраль 2024 года.

ГЛАВА 2. УЗЕЛ НА ШНУРКАХ

Часть первая. Метро и мёртвая тишина

К вечеру 13 февраля Олег Серов успел дважды вернуться в отдел и один раз — в морг. Домой он ехал последним поездом метро. Напротив спал мужчина, уронив голову на грудь. Рядом с ним женщина придерживала коленями две хозяйственные сумки. В конце вагона студент слушал музыку так громко, что Олег различал ритм сквозь стук колёс.

В тёмном стекле отражалось его лицо. Сорок девять лет. За последние месяцы он привык просыпаться прежде будильника, а потом весь день искать, где выпить ещё кофе. Врач советовал начать со сна; Олег кивал и спрашивал, можно ли пока что-нибудь от головной боли.

В папке лежали материалы сегодняшнего выезда. Девушку звали Марина Лебедева, ей было двадцать два. Личность установили уже после осмотра. На первой странице карандашом стояло «переохлаждение?» — первоначальное предположение, которое ещё предстояло проверить.

Олег снова посмотрел на фотографии ботинок. Ему хотелось, чтобы Рябов оказался прав: сама завязала, сама пришла в парк. Но показания старика не укладывались в эту версию. Кто-то наклонялся к Марине, трогал её обувь и поправлял волосы. Потом ушёл.

Он подумал об отце. Тот погиб в ноябре 1988 года, когда Олегу было тринадцать. После похорон бумаги убрали в шкаф, но Олег всё равно доставал их. В основном смотрел фотографии, не понимая, что написано между ними. Теперь он помнил далеко не всё. Только некоторые детали возвращались без усилия.

На своей станции он закрыл папку и поднялся. Женщина напротив попросила придерживать сумку, пока она надевала варежку. Олег дождался её и вышел следом.

За дверями вестибюля перехватило дыхание. Он затянул шарф, старый, связанный матерью, и пошёл домой. Фотографии остались в закрытой папке под мышкой. Но стоило остановиться на светофоре, он снова видел ботинки.

Часть вторая. Слишком чисто

Тем утром Олег приехал в Парк Победы.

Между голых аллей тянул ветер. Снег на дорожках перемешался с песком, у скамеек лежал нетронутый. Олег шёл по протоптанной полосе, чтобы не оставлять лишних следов возле оцепления.

В детстве отец водил его сюда за мороженым. Олег помнил ларёк у входа, хотя самого ларька давно не было. Он невольно посмотрел в ту сторону и только потом заметил патрульных.

Молодой грел руки у лица; второй, с сединой на висках, разговаривал по рации.

— Опять ты, — сказал молодой.

— Опять я. Кто нашёл?

— Женщина с собакой. Контакты записали. Девушка на скамейке, на вид лет двадцать.

Рябов уже там.

— Документы есть?

— Нет. Телефона и ключей тоже не нашли.

Олег остановился у края ленты.

— Без телефона?

— Ну да.

— Вокруг посмотрели?

Патрульный потёр покрасневший нос.

— Да. Сумку могли унести.

— Покажите потом, где искали.

Криминалист Рябов приподнял покрывало. Девушка лежала на скамейке, руки были сложены на груди. На светлой куртке не хватало пуговицы. Шарф сбился набок, волосы прилипли к воротнику.

Олег присел. На открытом участке лица он не заметил повреждений.

— Следов борьбы нет? — спросил он.

— Пока не вижу. Остальное после исследования.

Рябов перечислил, что уже осмотрели. Карманы были пусты; возле скамейки не оказалось ни сумки, ни пакета. Патрульный подошёл ближе.

— Может, ограбили.

— Может, — сказал Олег. — А может, вещи забрал тот, с кем она пришла. Нужны камеры на входах.

Он посмотрел на руки девушки. Тонкие вязаные перчатки, на большом пальце дырка. Потом перевёл взгляд на обувь.

На обоих ботинках были двойные узлы. Петли аккуратно лежали поперёк язычков, концы почти одинаковой длины.

— Снимите крупно. Оба.

Рябов наклонился посмотреть.

— Шнурки?

— Да.

— Что тебя смущает?

— Слишком аккуратно. На таком морозе пальцы не слушаются.

— Она могла завязать их дома.

Олег промолчал. Конечно, могла. Шарф, сбившийся вбок, этого тоже не опровергал.

— Могла, — согласился он. — Всё равно сними. И когда будут снимать обувь, пусть узлы сохраняют.

— Ты такое уже видел?

Он попытался вспомнить. Отец за кухонным столом, раскрытая папка, обрезанный край фотографии. Ботинки — или кеды? Олег тогда разглядывал снимок, пока отец не закрыл папку. На фотографии было что-то со шнурками, но за тридцать пять лет память могла дорисовать что угодно.

— В старом деле. Надо поднять.

Рябов вернулся к фотоаппарату. Олег отошёл, освобождая ему место. Сам по себе узел ещё ничего не доказывал. Он это понимал — и всё-таки ждал, пока Рябов закончит съёмку.

Часть третья. Свидетель из тени

Старика нашли у дальней аллеи. Он сидел на краю почти занесённой снегом скамейки, пил из крышки термоса. На телогрейке одна пола была пристёгнута английской булавкой. Рядом стоял походный рюкзак, перетянутый скотчем.

— Здравствуйте, — сказал Олег. — Можно рядом?

Старик подвинул рюкзак, но не ответил. Олег сел, смахнув снег рукавом. Под скамейкой лежал кусок картона; из-под него торчал валенок. Старик убрал ногу.

— Видели что-нибудь этой ночью?

— Нет.

Олег подождал. Старик налил себе ещё чаю, придерживая пробку большим пальцем.

— А слышали?

— Шаги.

— Один человек шёл?

— Вроде один.

С дальней дорожки донёсся голос патрульного. Старик повернулся на звук.

— Она что, умерла?

— Да.

— Жалко. Молодая была.

Он долго держал крышку у рта, не отпивая.

— Сидела там. Писала что-то. Я думал, письмо.

— Значит, вы её видели?

— До того видел. Вечером. Она всё сидела, сидела. Я решил, ждёт кого-нибудь. Потом лёг. А ночью шаги услышал.

— Сколько было времени?

— Часа три.

— На часы смотрели?

Старик вытащил руку из рукава и показал потёртые часы на растянутом металлическом браслете.

— Проснулся — посмотрел. Всегда смотрю.

Олег сверил их со своими: часы старика отставали на восемь минут. Он записал это рядом со временем.

— И что потом?

— Подошёл тот. К ней. Шнурки поправлял.

Олег перестал писать.

— Расскажите, как это было.

— Подошёл, наклонился. Она дёрнулась. Он придерживал за плечо. Потом возился у ног.

— Вы шнурки видели?

— Отсюда-то? — Старик посмотрел на него с недоверием. — Ботинки видел. Руки у ботинок. Потому и говорю: шнурки. Не знаю, что он там ещё мог делать.

— Понятно. Лицо запомнили?

— Не поворачивался. Да и темно.

— Как был одет?

— Тёмное всё. Пальто, может, куртка длинная. Сначала я подумал, женщина. Потом — мужик.

— Почему передумали?

Старик пожал плечами.

— Не знаю. Шагал так. Обычный. Не хромал, не бежал.

Олег записал одежду и походку. Пол свидетелю определить не удалось. В протоколе нельзя было превратить его догадку в уверенное «мужчина».

— После того, как наклонился к ногам, что сделал?

— Волосы ей поправил. И ушёл.

— А она?

— Не двигалась. Я подумал, пьяная. Или спит.

Рядом со временем Олег поставил ещё одну пометку. По этим словам нельзя было определить, когда Марина умерла. Но возле неё был человек, которого теперь следовало найти.

— Вы здесь останетесь? Мне нужно будет записать ваши данные и ещё поговорить.

— Куда я денусь.

— Сейчас подойдёт сотрудник. В машине сможете погреться.

Старик завернул пробку и стал собирать вещи.

— Только вы её тоже найдите. Которая смотрела.

Олег снова сел.

— Кого?

— Женщину. За деревом стояла.

— Покажите дерево.

Старик встал, прошёл несколько шагов и указал на ствол у поворота дорожки. Олег позвал патрульного, попросил пока никого туда не пускать.

— Она всё время там была?

— Пока тот возился — стояла. Потом ушла.

— Вместе с ним?

— Нет. Не вместе.

— Почему вы решили, что женщина?

— Походка. И пальто такое, долгое. Лица не видел. Но она важная была.

— Что значит «важная»?

— Ну, ждала. Не суетилась. Как начальство ждёт.

Олег записал слова дословно. Женщина могла наблюдать за происходящим; могла ждать другого человека. Связь ещё нужно было установить.

Он проводил старика к служебной машине и вернулся к дереву. Между стволом и дорожкой оставались следы. Рябов уже подходил с фотоаппаратом.

— Вот здесь, — сказал Олег. — Свидетель показывает сюда.

Пока криминалист работал, Олег позвонил в отдел. Просил проверить заявления о пропавших девушках и сохранить записи с ближайших камер. У него пока не было ни имени человека у скамейки, ни лица женщины. Было время, которое показывали неточные часы, и показания, в которых старик несколько раз поправил самого себя. С этого и предстояло начинать.

Старик согласился поехать в отдел только после того, как ему вернули рюкзак. Молодой патрульный предложил оставить вещи в машине, чтобы не таскать за собой, и Олег видел, как сразу изменилось лицо свидетеля.

— Я с ними, — сказал тот.

— Да никто не возьмёт.

— Я с ними поеду.

Олег попросил положить рюкзак на свободное сиденье. По дороге старик держал руку на лямке. В отделе выбрал стул у двери, поставил вещи между ног и первым делом спросил, надолго ли.

— Постараемся быстро.

— Все стараются.

Ему принесли чай в бумажном стакане. Он потрогал стенку, посмотрел на человека, который поставил стакан, и дождался, пока тот выйдет. Только потом выпил.

Олег разложил перед собой записи. Здесь, в тёплой комнате, слова свидетеля звучали иначе. В парке они цеплялись за деревья, дорожки, за место, где сидела девушка. На чистом столе рассказ распадался на «вроде», «кажется» и «не разглядел». Олегу захотелось помочь ему — подставить удобное слово, назвать знакомую деталь. Он отложил ручку, пока это желание не прошло.

— Когда вы проснулись, человек уже был у скамейки?

— Шёл.

— Вы видели, откуда?

— Оттуда.

Старик показал в стену. Олег повернул к нему лист со схемой.

— Давайте здесь. Это скамейка. Здесь сидели вы.

Свидетель долго изучал рисунок.

— А ларёк где?

— Какой ларёк?

— Закрытый. Где летом воду продают.

На схеме его не было. Олег дорисовал прямоугольник. Старик сразу положил палец рядом.

— Вот оттуда и шёл.

— По дорожке?

— Сначала по ней. Потом я голову отвернул.

— Зачем?

Старик посмотрел на него сердито.

— Затем, что могу голову отвернуть.

— Конечно. Я пытаюсь понять, сколько вы видели.

— Я вам сказал, сколько.

Олег убрал лист. Из коридора донёсся смех; кто-то громко поздоровался с дежурным. Свидетель потянул к себе рюкзак.

— Мы можем сделать перерыв, — сказал Олег.

— Мне не перерыв нужен. Мне уйти надо. Вы думаете, если человек на скамейке сидит, ему ничего не надо?

— Куда вам нужно?

— По своим делам.

Олег кивнул.

— Тогда закончим главное. Про женщину ещё один вопрос. Вы её раньше здесь видели?

— Может, и видел. Я на всех не смотрю.

— А если фотографию покажут, узнаете?

Старик не ответил сразу.

— Если скажу «да», отстанете?

— Нет. Поэтому лучше скажите, как есть.

Тот поднял глаза. Впервые за весь разговор посмотрел на Олега без раздражения.

— Не узнаю. Не видел я лица. Вы же записали.

— Записал.

Свидетель выпил оставшийся чай. Подписывал медленно, наклоняя голову к бумаге. На первой странице остановился.

— «Женщина ожидала». Я не так говорил.

Олег придвинул лист.

— Как исправить?

— Я сказал: стояла. А что ожидала — это я подумал.

Они исправили. Потом старик потребовал посмотреть, что написано про руки возле ботинок, и ещё раз объяснил, что самих шнурков издали не различал.

Когда его проводили, в комнате остался второй стакан чая, нетронутый. Олег выбросил его, вернул схему в папку и позвонил Рябову. Просил отметить на плане ларёк. Не потому, что появился новый след: теперь стало понятно, от какой точки свидетель отсчитывал расстояние.

К полудню проверка камер дала несколько коротких записей. На одной виднелась светлая куртка. Девушка проходила мимо магазина за пределами парка; лицо закрывали шарф и край капюшона. Олег смотрел фрагмент вместе с сотрудником, который его принёс. Время в углу экрана расходилось с контрольным звонком владельца на одиннадцать минут.

— У него так давно, — пояснил сотрудник. — После отключения света. Говорит, руки не дошли.

— Сохранили с запасом по времени?

— Да.

Они просмотрели весь проход. Девушка остановилась возле витрины, поправила ремень на плече и пошла дальше. Следующий человек появился через сорок секунд. Ни обернувшейся головы, ни жеста, по которому можно было бы связать их между собой.

— Похожа? — спросил сотрудник.

— Куртка похожа. Нужно лицо.

Ему хотелось сказать больше. На экране девушка была ещё жива, и от этого любое движение становилось обещанием: сейчас обернётся, сейчас будет видно, кого ждёт. Но она вышла из кадра. Камера продолжила снимать пустую дверь.

Имя установили по сведениям о пропавшей девушке и фотографиям, которые передали её знакомые. После необходимых проверок позвонили матери. Олег не вёл разговор по телефону, но оказался в коридоре, когда она пришла. Женщина остановилась у первого же сотрудника и показала экран: фотографию Марины возле окна, с кружкой в обеих руках.

— Мне сюда сказали.

Её провели в комнату. Олег вошёл через несколько минут. Мать стояла у стула и не снимала пальто. Он назвал себя, предложил сесть.

— Мне уже сказали, — ответила она.

— Понимаю.

— Нет. Вы что-то ещё знаете?

Он объяснил то, что можно было объяснить сейчас: где нашли Марину, какие проверки идут, почему часть ответов появится позже. Женщина слушала, глядя на край стола. Когда он закончил, спросила:

— Она замёрзла?

На этот вопрос он не мог дать окончательного ответа.

— Причину смерти устанавливают.

— Мне сказали: в парке.

— Да.

— Она не любила холод. Она даже хлеб зимой ходила покупать с варешками. Ей всё время руки мёрзли.

Олег записал не сразу. Мать заметила, как он потянулся за ручкой.

— Это важно?

— Может оказаться важным. Как и то, почему она там была.

— Если бы я знала, почему.

Женщина сняла одну перчатку. Вторую оставила на руке.

Олег спросил, когда они разговаривали в последний раз. Мать достала телефон, стала листать вызовы, но попала в фотографии. На экране снова появилась Марина с кружкой.

— Это недавно? — спросил он.

— Осенью. У меня окно меняли. Она приехала помочь всё отодвинуть. А потом сказала, что я не ту кружку ей дала.

— Почему не ту?

— У неё своя была. С отколотой ручкой. Я выбросила. Думала, ей новую куплю.

Женщина замолчала и вернулась к вызовам. Найдя нужный день, показала экран. Разговор длился меньше двух минут.

— Поссорились? — спросил Олег.

Она посмотрела на него с обидой.

— Разве обязательно ссориться, чтобы говорить две минуты?

— Нет. Я не это имел в виду.

— Она занята была. Сказала, перезвонит.

Олег попросил вспомнить, говорила ли Марина о встрече, поездке, незнакомом человеке. Мать отвечала осторожно. Один раз назвала имя, потом попросила не записывать: это был знакомый, которого она видела всего однажды, и ничего дурного о нём не знала.

— Мы спрашиваем не только о подозреваемых, — объяснил Олег. — Этот человек мог просто знать, где она собиралась быть.

— Тогда спросите у него сами. Я не хочу придумывать.

Он оставил ей номер сотрудника, который будет поддерживать связь. Женщина положила лист в карман, достала обратно и разгладила на столе.

— Если я что-нибудь вспомню ночью?

— Звоните.

— А вещи?

Олег объяснил порядок. Она попросила отдельно сохранить куртку.

— На ней пуговица оторвалась. Я всё собиралась пришить.

Он не сказал, что уже видел место, где не хватало пуговицы. Женщина надела вторую перчатку, хотя первую так и не сняла до конца, и попросила показать выход.

После её ухода Олег остался за столом. В графе о возможной встрече стоял прочерк. Он мог заполнить его догадкой о молодом человеке или о ссоре с матерью; такие строки часто потом перекочёвывали из справки в справку и начинали казаться фактом. Олег перечитал записанное и оставил прочерк.

Вечером, перед поездкой домой, ему принесли первый перечень изъятых вещей. Он проверил куртку, шарф, перчатки и отдельно попросил отметить недостающую пуговицу. Чужая незаконченная работа — пришить, позвонить, купить хлеб — постепенно занимала в деле больше места, чем общая формулировка о девушке, найденной в парке.

ГЛАВА 3. СУДЬИ БЕЗ СУДА

Часть первая. Остывший чай

На третий день после смерти Марины Олег проснулся в пять утра и больше не уснул.

На кухне гудел холодильник. Олег включил чайник, достал кружку и забыл положить заварку. Только сев за стол, заметил прозрачную воду. Встал, заварил чай и раскрыл папку.

Однажды ночью Олег вышел на эту кухню и увидел отца над тетрадью с обгоревшим краем. Ему было тринадцать. Отец плакал, не замечая, что дверь открыта. Олег подошёл и обнял его. Они долго стояли так, ни о чём не спрашивая. Что тетрадь принадлежала Кате, он узнал гораздо позже.

За окном светало. Снизу донеслось, как хлопнула подъездная дверь. Олег перевернул фотографию Марины: на обороте был записан номер человека, который помог её опознать. На другом снимке — уже из парка — тёмные волосы закрывали воротник.

Он сверил опись вещей с фотографиями. Карманы были пусты. Сумку возле скамейки так и не нашли. До вывода об ограблении не хватало главного: нужно было понять, с чем Марина вышла из дома.

Олег записал вопрос для повторного разговора с её знакомыми. Потом допил остывший чай и поставил кружку в раковину.

Телефон завибрировал. Сообщение с номера, который он ещё не успел сохранить: «Доброе утро. Как продвигается дело о шнурах?»

Накануне женщина с этого номера представилась Анной и предложила материалы о похожих смертях. На вопрос, откуда у неё его телефон, ответила: «Номер журналисту найти нетрудно». Олег написал: «Вы обещали встретиться».

«Сегодня. В Муринском парке нашли мужчину. Вам уже сообщили?» Олег позвонил дежурному. Сообщение подтвердилось; к парку выехала группа. Он вернулся к переписке: «Откуда знаете?» — «Очевидец прислал. Я еду».

Олег налил чай в термос и вышел. На лестнице набрал Анну, но она не ответила. Объяснение про очевидца могло оказаться правдой. Проверить его он собирался при встрече.

Часть вторая. Белый ферзь

До Муринского парка он доехал за полчаса. Анна прислала фотографию оцепления и время: снимок действительно был сделан раньше звонка в отдел. Кто его отправил, из сообщения было неясно.

Он оставил машину у жилых домов и пошёл к парку. Под свежим снегом была наледь. У поворота Олег поскользнулся, удержался за ветку и дальше шёл медленнее, высматривая протоптанные места.

У парка стояли три полицейские машины и микроавтобус. Оперативник у оцепления проверил удостоверение и показал, куда пройти. Рябов ждал возле УАЗа. Он потушил сигарету, увидев Олега, и пошёл навстречу.

— Не понравится, — сказал он.

— Что именно?

— Всё.

— Это ты мне? — Олег усмехнулся. — Я думал, у тебя норма.

— Сегодня не понравится, — ответил Рябов. — Иди смотри.

За лентой на скамейке сидел мужчина. Спина была выпрямлена, руки ровно лежали на коленях. Голова свесилась под неестественным углом. Олег подождал, пока закончат общий снимок, и подошёл по указанной Рябовым дорожке.

Новый снег почти скрыл следы вокруг скамейки. На груди мужчины, удерживаемая складкой пальто, лежала белая шахматная фигура. Ферзь.

Рябов показал снимок фигуры крупным планом. На основании виднелась потёртость: фигурой пользовались, её взяли из старого набора.

— Фигуру уже упаковали?

— Сейчас. Видимых отпечатков нет. А по следам будем разбираться: снег нам всё испортил.

— И дорожку до входа посмотрите.

Олег подождал, пока ферзя снимут и упакут. Поза тела выглядела нарочитой. Пальто расправили, руки уложили рядом. На месте, где лежала фигура, ткань была чуть суше.

— Борьба? — спросил Олег.

— На открытых участках пока не видно. Под ногтями проверят, — ответил Рябов.

— Может, знал убийцу?

— Может. Но мог и не успеть. По одному виду сейчас не скажем.

Олег записал положение рук и фигуры. Если тело усадили после смерти, на месте убийства могли остаться совсем другие следы.

— Кто он?

Оперативник, стоявший неподалёку, заглянул в свой блокнот. Блокнот был старым, в потёртой обложке, и оперативник перелистывал страницы с привычной неторопливостью.

— Виктор Петрович Козлов. Пятьдесят восемь лет. Проживает в Купчино. Не работает последние десять лет. Инвалид второй группы.

— Раньше попадал в наши материалы?

Оперативник поднял глаза. В них было что-то — понимание, может быть, или предчувствие. Он посмотрел на тело, потом снова на Олега.

— Пенсия по инвалидности. Но до этого... — он перелистнул страницу, — три заявления от жены. Побои. Одно — от соседки. Ни одно не дошло до суда. Все забрали.

Олег попросил номера заявлений. По пересказу нельзя было установить, что происходило в семье и почему проверки прекращали.

— С женой говорили?

— Нет. Она умерла два года назад. Рак.

— А соседка?

— Соседка жива. Говорит, что боялась его. Все боялись. Он был злой, когда пил. А пил он постоянно. Каждый вечер. Соседи слышали крики, но никто не вызывал милицию.

Олег записал адрес соседки. Она уже подавала заявление; снова заставлять её пересказывать пережитое по телефону он не хотел.

— У нас есть кто-то, кто его нашёл? — спросил он.

— Нашедшего опрашивают у второй машины. А соседка помогла установить личность. Она знала, что он ходит сюда.

— Когда видела его последний раз?

Оперативник пожал плечами.

— Вчера вечером. Он вышел с кем-то из подъезда. Она решила, что знакомый. Лица не разглядела.

Олег попросил подробно записать время. Через сорок минут сообщили о втором теле.

Его нашли в небольшом сквере на Гражданском проспекте, примерно в двух километрах. У входа Олега ждала женщина в чёрной куртке. В одной руке планшет, в другой — термос. Увидев его, она подняла руку.

Он подошёл к ней, и она протянула руку для пожатия. Ладонь была сухой и тёплой.

— Олег Серов?

— Анна?

— Да. Там ещё одна фигура. Чёрная ладья.

— Вы уже прошли за ленту?

— Нет. Сняли с дорожки, пока оцепление ставили. — Она показала фотографию на планшете. — Дежурному я её передала.

Анна осталась у оцепления. Олег подошёл к скамейке. Женщина сидела почти в той же позе, что Козлов; шея была повреждена, одежду поправили. Чёрную ладью уже снимал криминалист. Олег попросил сравнить её с первым ферзём — размер, материал, следы износа.

— Личность установили?

Оперативник уже успел собрать данные. Он подошёл с блокнотом, перелистнул страницу.

— Ольга Викторовна Соболева. Сорок три года. Индивидуальный предприниматель.

— Чем торговала?

— Финансовые консультации.

— Это как?

Оперативник усмехнулся. Он явно слышал этот вопрос много раз.

— Деньги брала. Обещала вернуть с процентами. Не возвращала.

— Были заявления?

— С десяток. Ни одно не довело до приговора. Двое истцов отозвали заявления — говорят, вернула деньги. Остальные просто устали ходить по судам. Годами. Безрезультатно.

Закончив осмотр, Олег вернулся к Анне. Она спросила, подтвердилось ли имя Соболевой, и открыла свою подборку.

— У меня о ней несколько материалов. Брала деньги на вложения, возвращала первым клиентам за счёт следующих. Когда выплаты остановились, люди пошли с заявлениями.

— Вы написали, что фигура может что-то означать.

Анна пожала плечами.

— Может. Но притянуть смысл к шахматам можно какой угодно. Лучше сначала проверить, из одного ли набора фигуры.

— Тогда начнём с вас. В каком издании работаете?

Анна улыбнулась. Невесело. В этой улыбке была долгая усталость человека, который слишком долго носит на себе неподъёмный груз. Она сделала глоток из термоса, потом заговорила.

— Журналистка. Специализируюсь на нераскрытых делах. Последние пять лет собирала материал о людях, которым удалось уйти от правосудия. И заметила кое-что странное.

— Что именно?

— Некоторые из них умирают. Не своей смертью. И всегда — когда система уже не могла их наказать. Сроки давности истекли. Свидетели умерли. Дела закрыты. А потом — раз — труп. И никакого расследования.

— Потому что похоже на несчастный случай.

— Именно.

Олег записал её имя и контакты редакции. Анна ждала, пока он закончит, не убирая планшет.

— И давно вы за этим следите? — спросил он.

— Три года.

— И за это время сколько таких «совпадений» вы насчитали?

Анна открыла таблицу. В общей подборке были сотни материалов; она включила фильтр, и на экране осталось семнадцать строк.

— Семнадцать.

Олег смотрел на экран. Список имён. Даты смерти. Причины. У каждого — пометка «дело закрыто» или «сроки истекли».

— Много, — сказал он.

— Это только те, что я нашла. А сколько ещё не заметили?

Олег вернул планшет. В подборке были ссылки на публикации и номера старых проверок. Ни один случай нельзя было объединить с сегодняшними только по этой таблице, но проверять уже было что.

— Зачем вы мне это показываете?

— Я писала в отделы. Обычно отвечают, что оснований нет. Вы хотя бы спросили, какие у меня материалы. Поэтому и приехала.

Она протянула ему лист с адресом редакции и рабочим телефоном. Олег убрал его в блокнот.

— Передайте подборку официально. Я проверю, что из неё относится к делу. На осмотры без допуска не ходите, даже ради снимка.

— Договорились, — кивнула Анна. — С чего начнём?

— С поиска связи между Козловым и Соболевой.

— Я не нашла.

— Откуда знаете?

— По открытым сведениям — разные районы и круги общения. Но знакомства я заочно исключить не могу.

— И оба умерли.

— Да.

Олег посмотрел на экран, где рядом стояли две фамилии. Сходство было заметным. Оставалось понять, выбирал ли кто-то жертв по одному правилу или нарочно создавал такое впечатление.

— Проверим тех, кто подавал заявления. И тех, кто мог знать о проверках.

— Или «несправедливость», — добавила Анна. — Козлов бил жену. Соболева обманывала вкладчиков. Система не наказала ни того, ни другую.

— Поэтому убийца решил стать судьёй.

— И палачом.

Анна закрыла таблицу и убрала планшет в сумку.

— И выясним, кто связывает эти случаи в одну историю, — сказал Олег.

— Таких много, — усмехнулась Анна.

— Травмы похожи. Но про «одно движение» пусть сначала скажет эксперт. Нам нужны камеры.

— Военный? Спецназ? Охрана?

— Или оперативник, — тихо сказал Олег.

Анна посмотрела на него с интересом. В её взгляде мелькнула искра — понимание.

— Думаете, свой?

— Не знаю. Но исключать нельзя.

У машины Анна спросила, когда звонить. Олег ответил: вечером, если появится что-то по списку. Дорогу до редакции она знала; он остался ждать, пока увезут тело.

Часть третья. Комната 127

После осмотров Олег поехал к соседке Козлова. Во дворе расчищали место для мусоровоза; трактор несколько раз сдавал назад, и его сигнал был слышен даже на лестнице.

Женщина открыла не сразу. Спросила через дверь фамилию, потом попросила ещё раз показать удостоверение в глазок. Когда впустила, Олег увидел у порога старую цепочку с вырванным креплением. Новый засов стоял выше, на уровне её плеча.

— Это давно, — сказала она, проследив за его взглядом.

— Козлов?

— Нет. Дверь старая.

Она ответила слишком быстро, но Олег не стал возвращаться к засову. Женщина проводила его на кухню, убрала со стула пакет с лекарствами.

— Я уже всё рассказывала вашим.

— Я читал объяснение. Хочу уточнить, когда вы видели его вчера.

Она посмотрела в окно и назвала примерное время. Олег попросил объяснить, почему запомнила именно его.

— Сериал закончился. Я пошла бельё снять, у меня на общей лоджии висит. Они внизу стояли.

— Вы слышали разговор?

— Нет. Лоджия на другую сторону. Только через стекло видела.

На листе Олег отметил: закрытое окно, верхний этаж, сумерки. Мужчина рядом с Козловым поднимал руку к лицу; курил или разговаривал по телефону, соседка не различила.

— Вам показалось, они знакомы?

— Он бы с чужим не пошёл.

— Почему?

— Потому что сам всех подозревал.

Она встала, переставила чайник с одной конфорки на другую, хотя обе были выключены.

— Вы его жену знали? — спросил Олег.

— На одной площадке жили.

— В заявлениях указано, что она приходила к вам.

— Приходила.

— Можете рассказать?

Женщина села, оставив между собой и столом слишком много места.

— Она всегда извинялась. За то, что поздно. За то, что в тапочках. Один раз пришла босиком и сначала спросила, можно ли на коврик наступить. Будто я за коврик переживаю.

Олег не перебивал.

— Я ей говорила: звони. Она отвечала, уже звонила. Потом приезжали, разговаривали с ним на площадке. Он стоял тихий такой, в рубашке, представляете? Специально рубашку надевал. А она у меня на кухне сидит и не может чашку взять.

— Вы сами подавали заявление.

— Подавала. Потом забрала.

— Он угрожал?

— Вы это обязательно напишете?

— Запишу то, что вы скажете.

Женщина смотрела на выключенную плиту.

— Он не говорил: убью. Он говорил: вы же тут живёте. Никуда не денетесь. И всё. Соседи потом со мной здоровались через раз, им не хотелось участвовать. Его жена вернулась к нему. А я осталась рядом с человеком, на которого пожаловалась.

Олег спросил, сохранились ли копии. Соседка достала из кухонного ящика тонкую папку, аккуратно завернутую в полиэтилен. Сверху лежала квитанция за домофон, под ней — заявления и ответы. Бумаги были сложены так, будто их могли понадобиться предъявить в любую минуту.

— Я ведь не хочу теперь, чтобы вы решили, будто мне стало хорошо, — сказала она.

Олег поднял голову.

— Я этого не решаю.

— В интернете уже пишут. Мне дочь прислала. Что правильно сделали. Одного такого убрали — другим урок.

Она положила ладонь на папку.

— Урок кому? Ей уже никакого урока не надо. Её два года нет. А мне теперь опять сюда приходят и спрашивают.

Олег попросил разрешения снять копии. Соседка не отдала папку с собой. Дождалась, пока он сфотографирует каждый лист, проверила порядок и убрала всё обратно.

У двери она сказала:

— Если найдёте того, кто с ним был, не говорите, что я видела.

Он объяснил, что не может обещать этого заранее. Женщина отвернулась к засову.

— Тогда зачем я рассказывала?

Он не нашёл быстрого ответа. Повторил, как с ней будут связываться и куда звонить при угрозах. Она выслушала, не перебивая, но на этот раз не поверила одному только номеру телефона. Попросила его написать фамилию разборчиво.

В тот же вечер Анна встретила с бывшей клиенткой Соболевой. Они договорились у небольшого магазина, где женщина работала до закрытия. На разговор оставалось сорок минут. Анна убрала диктофон только после того, как получила согласие записывать.

— Мне уже сказали, что деньги теперь точно не вернут, — начала женщина.

— Кто сказал?

— Никто. Я сама понимаю.

Она всё время смотрела на часы. Анна спросила, нужно ли перенести встречу.

— Не нужно. Я до этого три года переносила. Работа, дети, суд, опять работа. Всё время казалось, сейчас разберутся.

Она принесла расписку и папку переписки. Первые сообщения Соболевой были длинными, с объяснениями и обращением по имени. Последние состояли из двух слов: «Ожидайте выплаты».

— Почему вы продолжали ей верить? — спросила Анна и тут же пожалела о формулировке.

Женщина закрыла папку.

— А вы во что верите, когда вам плохо? Только в то, что можно проверить в справочнике?

Анна выключила запись.

— Я не хотела вас обвинить.

— Но так спросили.

— Да. Так спросила.

Они помолчали. Женщина первой открыла папку.

— Я не сразу отдала всё. Сначала немного. Она вернула с процентами. Потом ещё раз. Я знакомым хвалилась, что хоть кто-то умеет с деньгами обращаться. Вот это и было хуже всего потом — сказать им, что не умеет.

Анна включила запись с её разрешения. Теперь спрашивала иначе: какие документы дали, кто присутствовал, когда обещания изменились. В конце женщина сама вернулась к утренней новости.

— Я не рада, что её убили. Вы это напишите, пожалуйста. Я хочу свои деньги и нормальную жизнь. Не чтобы мне за них человека положили на скамейку.

В редакцию Анна вернулась после закрытия магазина. Редактор прочитал начало материала, не снимая куртки: собирался домой.

— Заголовок какой?

Она назвала рабочий вариант.

— Слишком осторожно. У нас уже все написали про мстителя.

— Тогда пусть у нас будет про людей, за которых он якобы мстит.

Редактор посмотрел на неё поверх экрана.

— Якобы?

— Я с ними поговорила. Их не спрашивали.

Он прокрутил текст ниже и остановился на словах клиентки.

— Это оставь.

— Я для этого и принесла.

— А связь со старыми смертями?

— Пока отдельная проверка.

Редактор вздохнул и снял куртку.

Олег получил от Анны сообщение поздно вечером. Она спрашивала, можно ли указать, что обе фигуры отправлены на исследование. Он подтвердил только это. В ответ пришла ссылка на ещё не опубликованный текст с просьбой проверить его слова.

Он прочёл материал целиком. Про соседку Козлова там ничего не было; Анна с ней не разговаривала. Но реплика другой женщины — о том, что ей нужны деньги и жизнь, — заставила его вспомнить папку в полиэтилене.

К утреннему совещанию он подготовил вопросы: следовало разобрать не только биографии погибших, но и историю каждого обращения. Кто принимал заявление, кто возвращал документы, кому жаловались после отказа. Если человек отбирал цели по старым обидам, ему были нужны сведения. У этих сведений должен был быть путь.

Утром следующего дня Олег сидел в отделе и смотрел на три жёстких диска, которые принёс Рябов. Пыльные, с царапинами на корпусах, они лежали на столе, как три чёрных камня.

— Это всё камеры с Муринского парка и сквера на Гражданском за последние 72 часа, — сказал криминалист, вытирая вспотевшую лысину. — Три терабайта. Примерно пятьсот часов видео.

— Пятьсот? — переспросил Олег. — Я умру раньше, чем досмотрю.

— Поэтому я тебе скинул софт с распознаванием движения. Отфильтруешь время смерти — с часу ночи до четырёх утра. Останется часа три-четыре на каждую камеру.

Олег запустил программу. Экран засветился серым. Первые два часа он смотрел на пустые улицы, мокрый снег и редкие силуэты пьяных, которые шатались между фонарями. Ничего. Только ветер и снег. Он уже начал терять надежду, когда на третьем часе появилась машина. Серебристый кроссовер. Медленно, без фар, выкатился из глухого проезда у дома 17 по Гражданскому. Проехал мимо камеры так, что номер было не прочесть — грязный, заляпанный, с налётом соли. Олег приблизил изображение. Машина была старая, с царапиной на правом крыле.

— Стоп, — сказал он сам себе. — Ещё раз.

Олег отметил два времени: машина въехала в проезд в 2:47 и появилась на выезде в 3:12. Двадцать пять минут она была вне поля камеры. Что происходило в проезде, запись не показывала.

— Рябов! — крикнул Олег. — Смотри.

Криминалист склонился над монитором. Промотал видео на статичное изображение. Его пальцы, короткие и толстые, бегали по клавишам.

— Левый задний фонарь посмотри. Нижняя часть не светится. И вот здесь светлая полоса поперёк корпуса — похоже на ленту.

— Запишем как примету. Одной её мало, но машины можно сравнить.

— Серебристый «Пежо 3008», повреждённый фонарь, — перечислил Рябов. — Номер бы ещё разобрать.

Олег не ответил. Он уже набирал номер Анны. Телефон гудел в руке, и он ждал, чувствуя, как сердце бьётся быстрее.

— У вас есть список машин, которые фигурировали рядом с местами смерти из вашей подборки? — спросил он, когда она ответила.

— Есть, — ответила она после паузы. Слышно было, как она стучит по клавиатуре. — Но там двести тридцать семь авто. От «Логанов» до «Мерседесов».

— Отфильтруйте по «Пежо 3008». Серебристые.

Длинная пауза. Слышно, как она стучит по клавиатуре — быстро, уверенно. Потом тишина.

— Семнадцать записей с этой моделью. Сейчас сверю дубли.

— И посмотрите снимки с задней стороны. Левый фонарь повреждён. Нам нужны номера, остальное проверим здесь.

Через несколько минут Анна прислала три номера с фотографиями. Их проверили в отделе. Две машины принадлежали женщине-пенсионерке и таксисту. Третья была зарегистрирована на Алексея Викторовича Грачёва, 1968 года рождения.

— Грачёв, — повторил Олег, увидев ответ на запрос.

— Знакомый? — спросил Рябов.

— Был у нас такой участковый. Поднимем данные.

Подтверждение пришло к обеду. Грачёв уволился десять лет назад. В служебных материалах нашлись два выговора; Олег запомнил дело о домашнем насилии, после которого Грачёв спорил с начальством. Женщину позднее убили.

Совпадали машина и фамилия. Олег попросил проверить график работы Грачёва, затем снова набрал Анну.

Олег попросил сотрудника выписать адрес из полученных сведений.

Улица Белы Куна, дом восемь, корпус два, квартира 127.

Он переписал адрес в блокнот.

Положив телефон, Олег посмотрел на Рябова. Тот стоял у стола и ждал.

— Сегодня едем смотреть.

— Для обыска этого мало, — сказал Рябов. — У нас машина похожа и фонарь.

— Поэтому сначала поговорим. Во двор зайти нам ничто не мешает.

К дому на Белы Куна приехали около шести. У мусорных баков ветер гонял пластиковый пакет. Из подъезда вышел мальчик с собакой и придержал ногой дверь, пока застёгивал поводок. Олег подождал, чтобы он прошёл, и осмотрел двор.

— Машина во дворе? — спросил Рябов, выключая зажигание.

— Напротив третьего подъезда, — ответил Олег, всматриваясь в ряд припаркованных авто. — Вот она.

«Пежо» стоял возле третьего подъезда. На левом заднем фонаре поперёк трещины была наклеена светлая лента. Олег снял машину с нескольких точек, не прикасаясь к ней, и вернулся к Рябову.

— Фонарь совпадает с записью. Номер тоже тот, который проверяли.

— Твою мать, — выдохнул Рябов. — И что теперь?

— Теперь проверим, дома ли хозяин.

До квартиры 127 поднялись пешком. На площадке пахло жареным луком. Звонок у двери не работал; Олег постучал. Подождал и постучал ещё раз.

— Может, ушёл, — сказал Рябов.

— На смену ему к восьми.

Олег нажал на ручку. Дверь не поддавалась. Он достал связку своих ключей, покрутил в ладони и снова убрал. Рябов смотрел на него.

— Ждём?

— Ждём.

Через несколько минут снизу послышались шаги. Мужчина нёс пакет с хлебом и молоком. Увидев двоих у своей двери, остановился ступенькой ниже.

— Ко мне?

Олег представился и показал удостоверение.

— Алексей Викторович Грачёв?

— Да.

— Нужен разговор о вашей машине.

Грачёв поставил пакет на ступеньку.

— Угнали?

— Она во дворе. Где вы были прошлой ночью?

— На работе.

— Всю ночь?

Грачёв посмотрел на Рябова, потом опять на Олега.

— Вы ведь проверили.

— Проверяем. Ваша машина была на Гражданском, возле сквера.

— Мало ли куда машина ездит.

— Кто, кроме вас, ей пользуется?

Он помолчал. Из соседней квартиры донёсся звон посуды.

— Давайте без соседей, — сказал Грачёв.

— Поедем в отдел.

— Задерживаете?

— Пока предлагаю поехать и дать объяснения.

Грачёв взял пакет и открыл дверь. В коридоре стояли коробки с бумагами; через открытую кухонную дверь Олег увидел шахматную доску. Грачёв заметил его взгляд.

— Играете?

— Иногда.

— Я тоже. Только соперников хороших мало.

Он поставил продукты, запер квартиру и пошёл вниз. Олег пропустил Рябова вперёд, сам остался за Грачёвым.

У машины тот спросил:

— Вы про Козлова или Соболеву?

Олег остановился.

— Я не называл фамилий.

— А я назвал.

Он согласился поехать. Уже в отделе, после оформления и разговора с защитником, Грачёв сообщил детали, которых в открытых сводках не было: положение рук, фигуры, повреждение скамейки возле Соболевой. На вопрос об участниках сначала не ответил. Потом назвал Жукова.

Жуков помогал собирать сведения о будущих жертвах и следить за их маршрутами. Грачёв указал, где хранятся записи. Проверка привела к переписке и фотографиям Козлова и Соболевой, снятым до убийств. Жукова задержали на следующий день. О своей роли он говорить отказался.

Когда Грачёва уводили с очередного допроса, он задержался у двери.

— А теперь найдёте форум. Может, ещё не поздно.

— Для кого не поздно?

Грачёв посмотрел на конвойного и вышел.

ГЛАВА 4. ПАМЯТЬ ВАЖНЕЕ ЗАКОНА

Часть первая. Запах одиночества

К концу февраля Грачёв и Жуков находились в СИЗО. Грачёв признал отдельные действия, но о форуме говорил всё меньше. Жуков от показаний отказался. Переписка между ними подтверждала подготовку преступлений; установить человека, который присылал сведения о жертвах, пока не удалось.

Олег просматривал новые сводки, пытаясь понять, кого группа могла выбрать следующим. Среди сообщений о пропавших людях его остановила запись о Марии Петровне Соколовой, одинокой библиотекарьше. Соседка не видела её три дня. Дежурный ещё разговаривал с женщиной, когда Олег вошёл.

Он попросил дежурного соединить их.

— Моя соседка пропала, — сказала она в трубку. — Мария Петровна Соколова. Библиотекарь. Я не видела её три дня. Это не похоже на неё. Она выходила каждый день. В магазин. В парк. А тут — тишина.

Олег уточнил адрес и связался с участковым. По дороге ещё раз позвонил соседке: не оставляла ли Мария Петровна кому-нибудь ключ, не собиралась ли в больницу? Женщина отвечала коротко и всё возвращалась к одному: она никогда так надолго не исчезала.

Квартира библиотекаря находилась на окраине, в старом доме с облупившимся фасадом и вечно сломанным лифтом. Когда-то, лет тридцать назад, это был престижный район — с широкими улицами, магазинами, зелёными дворами. Теперь всё пришло в запустение. Двор был заставлен машинами, детская площадка ржавела, и только старые тополя, выросшие до пятого этажа, напоминали о прошлом. Соседка — женщина лет шестидесяти, в домашнем халате и с бигуди на голове, поверх которых был накинут платок, — ждала на лестничной клетке. Она нервно теребила край халата, и в глазах её плескалась тревога. Пахло кислой капустой и старой обувью — характерный запах подъездов в старых домах.

— Вот, — сказала она, показывая на дверь. — Я стучала. Никто не открывает. Свет не горит.

— Ключи есть?

— Откуда? Мы не родственники. Я просто соседка. Десять лет рядом живём.

Участковый приехал через полчаса. Проверили известные контакты, вызвали специалистов для вскрытия: нельзя было исключить, что пожилой женщине стало плохо и она не может открыть. Вход и состояние двери зафиксировали. В квартире никого не оказалось.

У входа пахло лекарствами и пылью. Олег остановился, пока участковый проверял комнаты. Соседка заглядывала из коридора, но входить не решалась.

Олег прошёл по комнатам. Заглянул в спальню — аккуратно заправленная кровать, подушка взбита, покрывало расправлено без единой складки. На тумбочке — очки в футляре, книга с закладкой на середине. На кухню — вымытая посуда, остывший чайник, на столе салфетка, сложенная треугольником. В ванную — полотенце висит ровно, зубная щётка в стакане, мыло на мыльнице, даже капли воды на кране вытерты. Чисто. Порядок. Слишком идеальный порядок.

Кровать была заправлена, посуда вымыта. Олег спросил соседку, всегда ли Мария Петровна поддерживала такой порядок. Та кивнула. Значит, сама по себе чистота ещё ничего не объясняла.

— Она уехала, наверное, — предположил участковый. — К родственникам.

— У неё нет родственников, — ответила соседка из коридора. — Я знаю. Мы десять лет рядом живём.

Олег осмотрел прихожую. На вешалке осталось пальто, на полочке под зеркалом лежала связка ключей. Предстояло выяснить, были ли у Марии Петровны другие. На тумбочке стояла стопка библиотечных книг. В раскрытом томе виднелась закладка из старого конверта.

— Проверьте, вся ли верхняя одежда на месте, — попросил он соседку. — И какие это ключи.

— Тогда, где она?

На журнальном столике стояла семейная фотография: родители и девочка лет пяти с большими бантами. Старую бумагу аккуратно выровняли, царапины на лицах почти исчезли. За рамку была заложена квитанция.

Олег поднял её. Бумага была тонкой, с типографским шрифтом и печатью. «Мастерская Евгения Морозова. Реставрация фотографий. Улица Марата, 22. Дата: 15 февраля 2024 года».

— Это её вещи? — спросил он у соседки.

— Да. Фотография. Она её недавно реставрировала. Говорила, что это единственное, что осталось от родителей.

Олег попросил включить квитанцию в опись и снял её для проверки адреса. Соседка сказала, что Мария Петровна обычно оставляла телефон в ящике у зеркала. Его обнаружили там при осмотре и зафиксировали вместе с остальными вещами. Телефон был выключен.

— Будем искать, — сказал он.

— Кого? — не понял участковый.

— Её.

Часть вторая. Хранитель памяти

В библиотеку Олег пришёл на следующее утро. У входа пришлось подождать: пожилой мужчина развязывал пакет с книгами, и библиотекарь показывала ему, куда поставить мокрый зонт. На вопрос о Соколовой она ответила не сразу.

— Вы из полиции?

Он показал удостоверение. Женщина прочла фамилию и позвала заведующую.

Та отвела его в маленькую комнату, где на столе лежали нарезанный батон, две банки растворимого кофе и распечатка с крупной надписью: «Чайник выключать». Заведующая села на свободный край стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.